

Василь Быков

Довжик

ФТМ

Василий Владимирович Быков

Довжик

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=429912

Аннотация

Книги, созданные белорусским прозаиком Василем Быковым, принесли ему мировую известность и признание миллионов читателей. Пройдя сквозь ад Великой Отечественной войны, прослужив в послевоенной армии, написав полсотни произведений, жестких, искренних и беспощадных, Василь Быков до самой своей смерти оставался «совестью» не только Белоруссии, но и каждого отдельного человека вне его национальной принадлежности.

Быков Василий

Довжик

Могилы, могилы...

По обе стороны узкой, посыпанной гравием дорожки тянулись многочисленные ряды могил городского кладбища. Еще недавно здесь были сельхозугодья пригородного совхоза, выращивали картошку, капусту, ранние овощи. Но рос город – разрастались и городские кладбища. И вот оно – скопище плотно теснящихся могильных выгородок – из уголка, дерева, добытого со строек арматурного железа. Почти все – с непременною стелой, выполненной в популярной форме морского паруса, но лишь отдаленно напоминающей таковой. Крестов на захоронениях советской эпохи почти не видать, разве где-нибудь на верхушке каменной стелы процарапан и обведен черным тоненький православный крестик. Некоторые памятники украшены небольшими, с ладонь, овальными фотографиями на фарфоре, переснятыми с молодых фотографий усопших, улыбающиеся лица которых слабо соотносятся с данным местом их бытования.

Неподалеку от центрального входа вдоль дорожки высился недлинный ряд одинаковых «парусов», с красными звездами на верхушках и увеличенными портретами молодых людей на лицевых сторонах стел. Это – афганцы, все в ли-

хо заломленных на ухо беретах, полосатых тельняшках на распахнутой груди. А двое даже с неперменным другом боевой поры – автоматом Калашникова в цепко сжатых спецназовских руках. Некоторые беспечно улыбаются, по-видимому, еще не догадываясь, что по прошествии недолгого времени суждено им превратиться из бравых победителей «духов» в банальные издержки живучей идеологии братской помощи.

А через дорогу, напротив – иная группа памятников, побогаче и впечатлительнее, – массивные монолиты, преимущественно из черного полированного базальта, с поясными портретами парней в красиво лоснящейся на зеркальных плоскостях коже и надписями определенного толка. «Твой успех обмываем без тебя, Бобок», «Косой, мы отомстили», «Жди меня, лапка, и я вернусь. Твоя Разявка», – значится на полированных боках монументов, обнесенных тяжелыми цепями с медными шарами по углам. Это – издержки короткой и бурной эпохи начального перераспределения капиталов.

Макаревич медленно шел по дорожке, умиротворенно созерцая материальные плоды человеческой тщеты, лениво предаваясь печальным размышлениям о бренности земного. А равно – о загадочности потустороннего, когда тело остается на этом вот бывшем совхозном поле, а душа отлетает куда-то. Но куда? – вопрос, на который человечество так и не нашло убедительного ответа за все века своего существова-

ния. Видно, очень жесткое табу лежит на этой загадке, разгадать которую не дано. И Макаревич думал, что вполне может случиться, что до сих пор не разгаданного просто не существует, и всякая человеческая жизнь банальным образом и заканчивается на таком вот кладбище. Разве проживет недолго в памяти двух-трех поколений близких и уйдет в небытие. Навсегда и безвозвратно. Так стоит ли тщиться с памятниками, стелами и выгородками? К тому же, согласно коммунальным законам, кладбища лет через пятьдесят ликвидируются, чтобы опять превратиться в территорию под очередную новостройку или стадион для футболистов, продолжал размышлять Макаревич, углубляясь в кладбищенские дебри. Он искал нужную ему могилу, место которой запомнил плохо, да и топография местности очень изменилась за полтора десятка лет, какие он здесь не был. Помнится, хоронили зимой, могила утопала в глубоком снегу, дул холодный морозный ветер, они все промерзли, пока говорили речи, и, поспешно забросав могилу комьями мерзлой земли, побежали в поджидавший их на дороге автобус.

С тех пор он здесь не был.

И видно, зря не был. Все-таки, пока жив, на кладбище, как и в церкви, надобно бывать чаще и вовсе не ради покойников или Господа Бога – для себя. По существу, как и покойники, ты тоже в большей степени принадлежишь прошлому, куда, за неимением будущего, рано или поздно вернешься из своего суетного, неуловимого настоящего, которого, вполне воз-

можно, тоже не существует. Вместо него – сплошные иллюзии, стремительные ласточки, проносящиеся в сумеречном потоке сознания. То ли дело – твоё хорошее или плохое прошлое, лежащее в душе каменной глыбой, над которым никто не властен – ни природа, ни закон, ни начальство.

Глядя на скопище разноликих могил и надгробий, необыкновенно стесненных даже на этом просторном кладбище, Макаревич думал: и тут теснота, и тут нет свободы. Мало ее было при жизни, не стало больше и на кладбище. Может, она людям и не нужна? Может, их влечет лишь сладостный процесс борьбы за свободу, достигнув которой, они тут же начинают строить из нее клетку в виде фашизма, тоталитаризма, тюрьмы и армии. Свобода становится уделом только бомжей, которые от нее также не всегда в восторге.

Макаревич прошел десятка два могильных рядов, скользя рассеянным взглядом по кладбищенскому разнообразию. Или однообразию, что на кладбище, пожалуй, одно и то же. Местами между могилами видны были люди, преимущественно женщины, – убрали, обустроивали, украшали последние пристанища близких. Скорбный, но и благородный труд – без расчета на вознаграждение, от чистого сердца. Оттого, наверно, некоторые могилки из тех, что поближе к дорожке, выглядели так празднично прибранными, чистенькими, с цветочками за оградкой, свежеекрашенной в темные тона. На мраморе то тут, то там торжественно отливали золотом подведенные надписи – дорогому такому-то от любя-

щей вдовы и детей... От преданного коллектива сотрудников... На высоком угле, несколько шире, чем обычно, «парусе» матово светился тройной портрет похороненных – взрослый и две детские головки. Макаревич горестно отвел взгляд, скорее всего – трагические жертвы дорог, неизбежная плата за запоздалую автомобилизацию, в которую бросились люди, не обеспеченные ни безопасной техникой, ни хорошими дорогами. Иначе почему у нас, где количество автомобилей в десять раз меньше, чем в Штатах, смертность на дорогах в два раза выше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.